

УДК 316.32:330.59

ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА И АДЕКВАТНОСТИ

© 2015 г. Я. А. Лещенко

Восточно-Сибирский институт медико-экологических исследований, г. Ангарск

Рассмотрены некоторые показатели, широко используемые в мировой практике для оценки уровня развития и качества жизни общества. Оценены с критических позиций такие показатели, как валовый внутренний продукт и индекс развития человеческого потенциала. Охарактеризован ряд показателей и критериев, которые, по мнению автора, могут выступать в качестве сравнительно объективных индикаторов состояния важнейших элементов социо-эколого-экономических систем. Освещены с позиций сбалансированного развития некоторые аспекты качества жизни российского общества в постсоветский период: очень низкий уровень заработной платы, растущее социально-экономическое неравенство, утрата стратегических позиций в оборонно-технической области, утрата конкурентных преимуществ в сферах научно-технического развития.

Ключевые слова: индикаторы устойчивого развития, валовый внутренний продукт, развитие человеческого потенциала, социально-экономические характеристики, качество жизни общества

INDICATORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND SOCIETY'S LIFE QUALITY: PROBLEMS OF CHOICE AND ADEQUACY

Ya. A. Leshchenko

Federal State Budgetary Scientific Institution «East-Siberian Institution of Mediko-Ecological Researches»
(FSBSI ESSIMER)

Some indices widely used in the world practice for assessing the level of development and society's life quality have been considered in this paper. The indices like the gross home product, the index of human potential development have been assessed from the critical position. A number of indices and criteria, which, in the author's opinion, may be used as comparatively objective indicators of state of the most important elements of the socio-ecologo-economic systems have been characterized. Some aspects of life quality in the Russian society in the post-soviet period have been covered from the position of balanced development: very low salary level, growing socio-economic inequality, loss of strategic positions in the defensive-technical sphere, loss of competitive positions in the spheres of scientific and technical development.

Keywords: indicators of sustainable development, gross home product, human potential development, social-economic characteristics, society's life quality

Библиографическая ссылка:

Лещенко Я. А. Индикаторы устойчивого развития и качества жизни общества: проблемы выбора и адекватности // Экология человека. 2015. № 11 С. 48–55.

Leshchenko Ya. A. Indicators of Sustainable Development and Society's Life Quality: Problems of Choice and Adequacy. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. 2015, 11, pp. 48-55.

Для развития общества ключевым понятием является «устойчивость», под которой понимается система глобальных, региональных и локальных балансов: экономического, топливно-энергетического, продовольственного, демографического, экологического и др. [2]. Устойчивое (поддерживаемое) развитие России возможно лишь при гармоничном развитии всех ее регионов и сбалансированности межрегиональных и межгосударственных социо-эколого-экономических отношений.

В свете вышесказанного важное методологическое значение приобретает задача формирования показателей, индикаторов и критериев оценки экологических, социально-экономических, социокультурных факторов, детерминирующих качество жизни населения, а также уровень развития общества (человеческого развития) в целом.

Необходимость в разработке индикаторов устойчивого развития впервые была продекларирована на международном уровне в «Повестке дня на XXI век», принятой на Конференции ООН по окружающей среде в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Совокупность таких индикаторов играет ключевую роль в описании (диагностике) состояния системы «природа — хозяйство — население» и открывает возможности коррекции этого состояния. Проблемой разработки индикаторов устойчивого развития в течение продолжительного времени занимаются Департамент политической координации и устойчивого развития ООН, Комиссия Объединенных наций по устойчивому развитию, Научный комитет по проблемам окружающей среды (SCOPE), осуществляющий проект по индикаторам устойчивого развития, и другие организации. Это направление получило широкое признание в

международном научном и экспертном сообществе.

Н. П. Тарасова, Е. Б. Кручина дают определение индикатора как показателя (выводимого из первичных данных, которые обычно нельзя использовать для интерпретации изменений), позволяющего судить о состоянии или изменении экономической, социальной или экологической переменной [21]. Ещё в 1996 году был разработан первый международный проект из 134 индикаторов устойчивого развития [24].

В настоящее время в центре внимания многих специалистов, занимающихся исследованием вопросов устойчивого развития, находится проблема качества жизни, поскольку всё более становится очевидным, что эти явления или феномены неотделимы друг от друга и должны рассматриваться в едином научном контексте. Качество жизни — многоаспектное понятие. На концептуальном уровне оно включает в себя множество самых разнородных компонентов. Обычно под качеством жизни понимают условия человеческого существования: уровень доходов и обеспеченность материальными благами, состояние природной среды, занятость и условия трудовой деятельности, безопасность, состояние здоровья и др. [16, 17, 20 и др.].

В проблеме создания эффективных индикаторов общественного развития и качества жизни всё ещё остается много нерешённых вопросов. Среди них важнейшими являются вопросы адекватности (точности, полноты, диагностической ценности и т. д.) индикаторов, характеризующих состояние важнейших элементов социо-эколого-экономической системы, их сбалансированность (или имеющиеся дисбалансы) для обоснования и принятия эффективных управленческих решений.

Данное обстоятельство может быть наглядно продемонстрировано на примере экономических индикаторов (индикаторов экономического развития), тем более, что именно этот вид индикаторов наиболее широко используют в своей деятельности правительства многих стран. В случае если указанные индикаторы окажутся неточными, а тем более — неверными, ошибочными, их использование органами управления может повлечь за собой серьёзные негативные последствия для государства и общества.

Авторы Доклада о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. [7] полагают, что абсолютизация чисто экономических и финансовых показателей, игнорирование в них экологического и социального факторов свидетельствует о необходимости радикальной коррекции традиционной для рыночной системы парадигмы развития и поиска адекватных индикаторов общественного прогресса.

На необходимость поиска новых подходов к оценке прогресса, связанных с устойчивостью, указывали два лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц и А. Сен в своем Докладе «Об измерении экономического развития и социального прогресса» (2009). Авторитетные экономисты пришли

к выводу, что многие показатели нельзя считать репрезентативными, и высказались за расширение и совершенствование набора индикаторов экономического развития. В частности, они отмечали растущее понимание и признание того факта, что валовой внутренний продукт (ВВП) не является идеальным показателем для измерения благосостояния, так как он не охватывает различные социальные процессы, изменения в окружающей среде, некоторые другие явления, которые принято называть «устойчивостью» развития. Это очень важное признание, ведь до сих пор по показателям объема и динамики валового внутреннего продукта принято судить как о спаде, так и о подъеме в экономическом развитии стран.

Подобной точки зрения придерживается и академик РАН О. Т. Богомолов, который считает, что в качестве показателя масштабов и динамики социально-экономического развития ВВП имеет существенные недостатки [4]. Так некоторые услуги, отражаемые в ВВП, связаны не с приращением, а скорее с вычетом из необходимых обществу материальных благ. Например, реклама, навязывающая потребителям ненужные или некачественные товары и услуги. То же можно сказать об искусственных посредниках между производителями и конечными покупателями продукции, вздувающими цены, а стало быть, и объем ВВП, а также о росте управленческой бюрократии и правоохранительных служб, учитываемом статистикой как приращение ВВП. Однако с точки зрения реального сектора экономики всё перечисленное является растратой создаваемых им благ [там же].

Всевозможные спекулятивные операции на биржах и в банковском секторе также создают ВВП. Но экономика от этого не становится сильнее а население — богаче. Следовательно, между ростом ВВП и такими показателями, как обновление основных фондов, увеличение занятости, рождаемость, смертность, здоровье населения, пенсионное обеспечение, повышение жизненного уровня основной массы населения, снижение инфляции, подъем культуры, науки, образования, сокращение преступности и коррупции, могут быть существенные расхождения. Между тем состояние именно этих сторон жизни общества должно служить важнейшим индикатором наличия кризиса или оживления экономики [4]. Кроме того, немалая часть созданного ВВП утрачивается из-за значительных потерь произведенной продукции и услуг, обусловленных бесхозяйственностью, контрабандным экспортом, вывозом капиталов, и т. д. Так на создание 1 000 долл. ВВП Россия затрачивает энергоресурсов в 8–10 раз больше, чем в передовых странах Запада. Подобная картина и с использованием металла, древесины и т. д. Отсутствует надёжная статистика по оценке ущерба, обусловленного «утечкой» капиталов и умов из страны [там же]. Ограниченная репрезентативность ВВП объясняется и другими его изъянами, на которых мы не будем останавливаться.

При рассмотрении проблем социально-экономи-

ческого и демографического развития очень важно выбрать для соответствующего анализа наиболее адекватные и точные критерии оценки, особенно те из них, что могут выступать в качестве всеобъемлющих индикаторов состояния изучаемого объекта. В таком контексте представляется необходимым оценить с критических позиций индекс развития человеческого потенциала — ИРЧП (другое его название — индекс человеческого развития — ИЧР), который широко используется в мировой практике, особенно в международных докладах по человеческому развитию, где он рассматривается в качестве интегрального индикатора социального развития, т. е., по существу, критерия качества жизни и гармоничности развития общества.

Индекс был разработан экспертом Программы развития ООН пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком (Mahbub ul-Haq) и впервые применен в 1990 году в Докладе о развитии человеческого потенциала, как альтернатива традиционному на тот момент подходу к оценке развития стран через уровень ВВП на душу населения. Этот индекс рассчитывается как среднее геометрическое невзвешенное нескольких субиндексов, включающих подушевой ВВП, среднюю ожидаемую продолжительность жизни при рождении, уровень образования взрослого населения и долю учащихся среди детей и молодежи, степень распространения информационно-коммуникационных средств, соотносенных с показателями наиболее развитой страны мира (США) на конец изучаемого периода. Следовательно, ИРЧП суммирует три кри-

терия развития — доходы, долголетие, доступность образования. Использование при оценке развития страны компонентов индекса, определяющих уровень образования и долголетия, позволило уйти от чисто экономических категорий при оценке развития стран и регионов. Выяснилось, что порой весьма богатые страны могут иметь уровень развития человеческого потенциала ниже, чем менее богатые [15]. Индекс развития человеческого потенциала позволяет ранжировать страны и регионы на основе сравнения фактического состояния с наилучшими и наихудшими показателями. Величина ИРЧП может изменяться в диапазоне от 0 до 1: чем ближе показатель к единице, тем выше уровень развития. У индекса имеются свои недостатки, что откровенно признавали даже его составители: в частности, он опирается на национальные средние показатели, которые нередко скрывают асимметричность распределения благ, и поэтому во многих случаях может не отражать реального положения дел в исследуемых странах [10].

В России в первой половине 1990-х годов в результате значительного падения уровня жизни, сокращения средней ожидаемой продолжительности жизни индекс человеческого развития снизился на 20 пунктов и более. С некоторыми колебаниями это состояние России по показателю ИРЧП продолжало сохраняться, что фактически говорило об отсутствии прогресса. В 2001 и 2002 годах страна по рейтингу развития занимала соответственно 55 и 60 места.

В 2011–2012 годах ИРЧП страны рос, и Россия

Индекс развития человеческого потенциала в некоторых странах (из Доклада ПРООН за 2013 г. [23])*

Рейтинг	Страна	Ожидаемая продолжительность жизни (в годах)	ВВП на душу населения (ППС в долл. США)	Средняя продолжительность обучения (лет)	Ожидаемая продолжительность обучения (в годах)	ИРЧП	Градация показателя
1	Норвегия	81,3	46688	12,6	17,5	0,955	Очень высокий ИРЧП
2	Австралия	82,0	34340	12,0	19,6	0,938	
3	США	78,7	43480	13,3	16,8	0,937	
4	Нидерланды	80,8	37282	11,6	16,9	0,921	
5	Германия	80,6	35431	12,2	16,4	0,920	
7	Ирландия	80,8	24358	11,6	18,3	0,916	
8	Швеция	81,6	36143	11,7	16,0	0,916	
9	Швейцария	82,5	40527	11,0	15,7	0,913	
28	Чехия	77,8	22067	12,3	15,3	0,873	
29	Греция	80,0	20511	10,1	16,3	0,860	
34	Эстония	75,0	17402	12,0	15,8	0,846	Высокий ИРЧП
35	Словакия	75,6	19696	11,6	14,7	0,840	
39	Польша	76,3	17776	10,0	15,2	0,821	
41	Литва	72,5	16858	10,9	15,7	0,818	
44	Латвия	73,6	14724	11,5	14,8	0,814	
50	Белоруссия	70,6	13385	11,5	14,7	0,793	
54	Кувейт	74,7	52793	6,1	14,2	0,790	
52	Черногория	74,8	10471	10,5	15,0	0,791	
55	Россия	69,1	14461	11,7	14,3	0,788	
56	Румыния	74,2	11011	10,4	14,5	0,786	
69	Казахстан	67,4	10451	15,3	10,4	0,754	
72	Грузия	73,6	5005	12,1	13,2	0,745	
78	Украина	68,8	6428	11,3	14,8	0,740	
94	Тунис	74,4	8103	6,5	14,5	0,712	

Примечание. * — данные глобального Доклада ПРООН за 2013 г. относятся к последнему году из доступных лет исследования.

вошла в число стран с высоким уровнем индекса. По данным глобального Доклада о человеческом развитии 2013 года, наша страна за 2012 год поднялась в рейтинге Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) на 11 позиций: с 66 места на 55. Но, имея более высокие уровни образования и душевого дохода, чем, например, Беларусь и Черногория, Россия занимала более низкую позицию в рейтинге из-за отставания по показателю ожидаемой продолжительности жизни, в то время как рост долголетия наблюдается в подавляющем большинстве стран (таблица).

Важно понимать, что хотя ИРЧП и является, в определенной мере, полезным ориентиром, концепция развития человека гораздо шире и сложнее, чем может охватить любой интегральный показатель. ИРЧП не отражает некоторых важных аспектов, серьёзно влияющих на условия жизнедеятельности человеческих сообществ.

Проведённые нами социально-экологические исследования позволили выявить существенные недостатки и ограниченность ИРЧП при осуществлении сравнительной интегральной оценки социально-демографической ситуации и уровня жизни в регионах России, значительно различающихся по природно-географическим и экономическим условиям, ресурсному потенциалу, транспортным возможностям и другим факторам. Частные составляющие данного индекса таковы, что они характеризуют главным образом материальную сторону качества жизни, причем в очень усредненном виде. Это прежде всего такой показатель, как ВВП на душу населения (в регионах — валовой региональный продукт — ВРП), недостатки которого были показаны выше.

Существует мнение, что среднедушевой доход — характеристика, описывающая благосостояние населения точнее, чем показатель ВРП на душу населения. Однако с точки зрения эффективности и прогрессивности социальной политики наибольшее значение имеет не столько общая величина дохода, получаемого обществом, сколько характер распределения результатов экономического роста в интересах развития нации. Как в настоящее время осуществляется распределение доходов, покажем на примере Иркутской области и Сибирского федерального округа (СФО). Более точным измерителем уровня жизни (уровня доходов) может служить показатель соотношения дохода человека с бюджетом прожиточного минимума (ПМ). По критериям, предложенным экспертами Всероссийского центра уровня жизни, к слоям населения с низкими доходами (наиболее нуждающиеся и низко обеспеченные) относятся все, кто имеет доход ниже трёх бюджетов ПМ [3]. Анализ показателей соотношения средней зарплаты работников отраслей экономики Иркутской области и величины прожиточного минимума в 2011 году [22] показал, что в таких областях, как финансовая деятельность, добыча полезных иско-

паемых, государственный управление; транспорт и связь; производство и распределение электроэнергии, газа и воды превышение ПМ составляло от 4,8 до 4,4 крат. В таких же отраслях, как здравоохранение, образование, сельское и лесное хозяйство, средняя заработная плата превышала ПМ в 2,2–2,6 раза, т. е. была заметно ниже трёх бюджетов прожиточного минимума. Таким образом, в сферах образования и здравоохранения уровень оплаты труда является одним из самых низких, при том, что именно в этих отраслях создаётся и воспроизводится главным образом человеческий капитал. Следовательно, такая ситуация с позиций оценки качества жизни общества и национальных интересов не может быть признана нормальной.

Особого внимания заслуживает сегмент общества с самым низким уровнем жизни, куда следует отнести лиц с доходом ниже величины ПМ, т. е., по существу, ниже порога нищеты. В большинстве регионов СФО в 2011 году доля таких граждан составляла от 17,4 до 22,9 %, (в Иркутской области 19,3 %) и лишь в Омской области показатель составил 13,3 %, а в Кемеровской — 11,4 % (единственный регион СФО, где данный показатель оказался ниже среднероссийского уровня — 12,8 %) [19]. Причем, как утверждает О. Т. Богомолов, устанавливаемые государством ориентиры и стандарты, в особенности размер прожиточного минимума, произвольны и далеки от оптимальных с точки зрения науки параметров [4].

В проблеме оценки уровня жизни большое значение имеют вопросы формирования и обоснованности размеров оплаты труда с позиций национальных интересов и социальной справедливости. Важно понимать, какая оплата труда может считаться достойной, как её необходимо индексировать и т. д. Из официальных комментариев к Конституции Российской Федерации следует, что государство должно обеспечивать материальное благополучие граждан на уровне стандартов современного развитого общества. Одним из таких стандартов, действующих во многих развитых странах, является закон о том, что не менее 70 % очищенного дохода предприятия (с которого выплачены обязательные отчисления) должны направляться на зарплату. По свидетельству руководителя Центра теории социального государства Академии труда и социальных отношений О. И. Косенко, только несоблюдением данного стандарта можно объяснить тот факт, что минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в России в 3–4 раза ниже, чем в развитых странах [11]. Из-за этого изменяется критерий установления порога бедности — в сторону резкого снижения этого порога. С применением такого, по сути искажённого, критерия и картина получается столь же искажённая: за порогом бедности оказывается (конец 2012 г.) 12 % россиян, в то время как в развитых странах этот показатель достигает 20 % [там же].

Академик РАН В. В. Ивантер называет абсолютно неприемлемое для свободной экономики материальное неравенство фундаментальной проблемой, очень

опасной для социально-экономического развития [8]. При этом он обращает внимание не столько на проблему пенсионеров и олигархов, сколько на гораздо более острую для экономики проблему колоссального разрыва доходов работающих — молодых, подготовленных, энергичных, желающих трудиться.

Проиллюстрируем сказанное на конкретном примере. Согласно нормам социального государства зарплату на уровне МРОТ (к тому же, как мы видели, сильно заниженного) могут получать (в исключительных случаях) лишь наименее квалифицированные категории работающих. Но реальность порой очень сильно отличается от юридических, экономических и социальных норм. В Иркутской области в некоторых научно-исследовательских институтах, входивших в период исследования в состав Сибирского отделения Российской академии медицинских наук, зарплата начинающего трудовой путь младшего научного сотрудника в 4 квартале 2012 года составляла, в соответствии с действующим законодательством, 6 348 руб., а зарплата лаборанта-исследователя — 5 205 руб. (как раз на уровне МРОТ, иначе она была бы ещё ниже), тогда как размер прожиточного минимума для работающего населения в регионе составлял в это же время 6 956 руб. То есть размер оплаты труда указанных категорий работающих был существенно ниже прожиточного минимума, по сути — ниже порога нищеты. Прожиточный минимум фактически представляет собой уровень физиологического выживания, когда невозможно даже простое воспроизводство рабочей силы. Между тем согласно канонам сугубо экономической целесообразности хозяйство страны может нормально развиваться лишь при расширенном воспроизводстве рабочей силы. Не говоря уж о соблюдении какой бы то ни было социальной справедливости.

Если расходы, связанные с воспроизводством рабочей силы индивидов, занятых в народном хозяйстве, не покрываются (хотя бы на минимально допустимом уровне) заработной платой и доходами, трудовому и интеллектуальному потенциалу страны грозит деградация [8].

В. В. Ивантер указывает на настоятельную необходимость кардинально повышать роль заработной платы. При низком, даже унижительно низком уровне заработной платы невозможно получить тот результат, которого хотим, к которому стремимся — обеспечить высокие темпы цифровой индустриализации и экономического роста [9]. Автор справедливо считает, что низкая заработная плата сопряжена с низкой производительностью труда. Основное условие высокой производительности труда — это высокая заработная плата. Не наоборот, не от производительности труда высокая заработная плата, а от мотивации: хотите заработать — трудитесь, поднимайте производительность [9]. В свете вышеизложенного становится очевидной двусмысленность (мягко говоря) внедряемых Советом по науке при Министерстве образования и науки резко возросших требований к показателям

результативности деятельности научных учреждений, многие из которых работают в условиях крайне скудного финансирования и унижительно низкой оплаты труда (особенно это касается научных учреждений отраслевых академий). Очень точно обрисовал ситуацию сотрудник Института общей физики РАН, председатель Профсоюза работников РАН В. Калинушкин: «Чтобы иметь результаты мирового уровня, надо на этом же уровне обеспечивать своих учёных» [13].

Результаты наших исследований свидетельствуют также, о том, что ИРЧП и его компонент — среднедушевой ВРП не являются адекватными критериями сравнительной оценки социально-экономической и демографической ситуации в регионах России, резко различающихся по природно-климатическим условиям. Затраты на производство единицы ВРП, или на производство «единицы комфорта», в Сибири значительно (в разы) больше, чем в европейских регионах, особенно юга России [12]. Поэтому если по показателю среднедушевого ВРП между регионом центральной России и, например, регионом Восточной Сибири существует примерное равенство, то можно априори сказать, что уровень (качество) жизни населения сибирского региона существенно ниже.

А как обстоят дела с оценкой качества жизни? Несмотря на большое количество публикаций, проблемное поле исследования качества жизни всё ещё проработано в недостаточной мере. Особенно это относится к такой сложной задаче, какой является оценка качества жизни общества, т. е. оценка, осуществляемая на уровне популяции или субпопуляции. Для общественных процессов и характеристик очень важна их структурная организация, пропорции и диспропорции в социальном организме и его развитии. Оценивая качество жизни общества, ни в коей мере нельзя сбрасывать со счетов некоторые важнейшие критерии-индикаторы, которые на уровне индивидуума просто не рассматриваются, например, национальная безопасность, в то время как на популяционном уровне они могут иметь решающее значение. При оценке качества жизни популяции очень важно не только анализировать изменения общих экстенсивных и усреднённых социально-экономических параметров государства, но обязательно учитывать качественные показатели экономического роста, социального развития, национальной безопасности, эффективность системы управления, сбалансированность всех структурных компонентов общества как сверхсложной системы.

Например, ретроспективный анализ динамики экстенсивных показателей российской экономики в 2000-е годы свидетельствует о несомненных положительных результатах. Академик РАН А. Г. Аганбегян в книге «Кризис. Беда и шанс для России» на статистическом материале показал, что в период, предшествующий кризису 2008–2009 годов, в России происходил экономический и социальный подъём. За 10 лет (1999–2008) ВВП России вырос более чем на 90 %. За 2000–2008 годы доходы населения

увеличились в 2,4 раза, выросли масштабы жилищного строительства, сократилась безработица — с 11,5 до 4,2 млн человек [1]. Вышеперечисленные положительные результаты создавали впечатление некоего государственного благополучия и давали повод руководству страны рассматривать свою управленческую деятельность как вполне успешную, не требующую внесения каких-либо кардинальных изменений в социально-экономическую доктрину и кадровую политику.

Но какая картина вырисовывается, если попытаться оценить качество социального развития в указанный период. В большой степени возросло социально-экономическое неравенство. Основной прирост доходов достался 20 % самых зажиточных семей России, среди которых наибольшими темпами росли доходы самых богатых. Доля в структуре денежных доходов росла только у пятой (высшей) квантильной группы населения (20 % населения с наибольшими доходами), которая концентрирует немного меньше половины всех доходов населения. На долю первой группы с наименьшими доходами приходилось только 5 % всех доходов, на долю второй — менее 10 % и т. д. [1].

О возрастании социально-экономического неравенства в рассматриваемый период весьма красноречиво говорят приведённые доктором экономических наук А. А. Кисельниковым следующие факты. В 2001 году в списке журнала «Форбс» значилось 7 долларовых российских миллиардеров с совокупным доходом 10,1 млрд долларов. Спустя 10 лет там фигурировал уже 101 человек с совокупным капиталом 433 млрд долларов (рост в количестве персон — 14,4 раза, а в валютном эквиваленте — в 42,1 раза). В среднем капитал одного олигарха был равен примерно консолидированному бюджету Новосибирской области с населением 2,7 млн человек, или Кемеровской — с населением 3 млн человек. На долю долларовых миллиардеров в 2000 году приходилось 4,9 % ВВП, а в 2010-м — 28,9 % [14]. Такого неравенства нет, пожалуй, ни в одной другой стране (разве что в Украине). По данному критерию нельзя говорить о каком-либо устойчивом развитии или о социальном согласии. Следовательно, за относительно благополучными экстенсивными и средними статистическими показателями хорошо просматривается картина всё большей социальной поляризации и разбалансированности общества.

Какие факторы ведут к расслоению общества и усилению экономического неравенства, каковы механизмы и инструменты этих явлений. Это, во-первых, введённая в 2001 году плоская шкала подоходного налога, что совершенно не характерно для развитых стран: в США и странах ЕС доходы, не превышающие прожиточного минимума (который в несколько раз выше российского показателя), вообще не облагаются налогом. Но высокие доходы облагаются по прогрессивной шкале. Второй фактор растущего расслоения общества — очень высокая инфляция, от которой в течение двух десятилетий больше всего страдают

бедные, а также малообеспеченные и обеспеченные ниже среднего уровня группы населения. В качестве третьего и главного фактора социального диспаритета, концентрации национального богатства в руках немногих, следует назвать тотальную коррупцию.

Говоря о качестве жизни общества как единого социального организма, очень важно понимать, какой ценой достигается очень усреднённое, обременённое множеством социальных пороков «благополучие» и существующая в связи с этим относительная устойчивость общества. Особое место среди атрибутивных признаков качества жизни занимает безопасность. По определению В. К. Сенчагова, «безопасность — это состояние объекта в системе его связей с точки зрения способности к самовывживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз» [18]. Если важнейшей детерминантой качества жизни индивида является личная безопасность, то применительно к народу, обществу родовым комплексным понятием является «национальная безопасность». Ее составляющие — оборонная, экономическая, ресурсная, демографическая, продовольственная, экологическая и другие виды безопасности. Причём, для таких стран, как Россия, обладающих огромными малонаселёнными территориями с большими запасами природных ресурсов, из вышеперечисленных компонентов наиболее критическим является оборонная безопасность.

Поэтому когда представители властных структур, экономисты, финансисты, средства массовой информации в один голос твердят об успехах социально-экономического развития страны, нужно иметь в виду следующее. Огромной жертвой, брошенной на алтарь общества потребления и резко снизившей уровень национальной (общественной) безопасности, стала утрата стратегических позиций в оборонно-технической области. А. А. Кисельников наглядно поясняет это следующим образом: «Скажем, не построили всего один стратегический бомбардировщик ТУ-160, и сэкономленных средств хватит, чтобы всю страну кормить бананами целый год. А если не построили атомную подводную лодку или крупную ГЭС — то можно объедаться ими и пять лет. Реализация такой политики воскрешает в памяти известный афоризм, подчёркивающий, чем отличается политик от государственного деятеля: первый думает о следующих выборах, а второй — о будущих поколениях» [14].

Между тем, как совершенно справедливо указывает социальный психолог Сергей Вальцев, «в мире нет никаких моральных правил, законов (признаваемых и соблюдаемых всеми. — Я. Л.). Есть только право силы. Тот, кто силен, тот и прав. Так было, есть и будет всегда» [5]. К этому можно лишь добавить, что для Запада важны только его геополитические интересы, ради них он готов обосновывать и оправдывать любые действия и использовать любые средства. Полным подтверждением сказанного являются реалии постсоветского развития России, события в Югославии, Афганистане, Ираке, арабские цветные революции и, наконец, события на Украине в

2014 году. Следовательно, даже хорошие социально-экономические достижения мало чего стоят, если они не защищены надёжно военной силой. Соответственно о высоком качестве жизни общества при низком уровне оборонной безопасности говорить не приходится.

Другая, не меньшая жертва — ликвидация огромной части промышленного потенциала страны и утрата многих конкурентных преимуществ во всех сферах научно-технического развития. Ведь значительная часть всего того, что в настоящее время потребляют россияне, — это импорт. Очень опасная иллюзия — рассчитывать на то, что можно бесконечно благоденствовать, лишь проедаая накопленное предыдущими поколениями и безмятежно расходуя имеющиеся природные ресурсы. Если отодвинуть на задний план национальные (в т. ч. жизненно важные) интересы, а руководствоваться лишь критериями текущей рентабельности, то, разумеется, очень выгодно закрыть множество капиталоемких предприятий, а на сэкономленные средства покупать дешёвые (часто некачественные) продукты питания и товары массового потребления в Китае, Турции и других странах, где это всё производится с гораздо меньшими издержками в силу благоприятных природно-географических условий. Не случайно в среде экономистов, политиков, учёных всё чаще звучат высказывания о необходимости новой индустриализации (модернизации) России.

Понятно, что упомянутые выше очень важные детерминанты качества жизни общества практически никак не учитываются таким индикатором, как ИРЧП, и другими интегральными измерителями.

Некоторые авторы придерживаются той точки зрения, что из-за сложностей вычисления, предметного и математического обоснования интегральных показателей, качественного различия входящих в их состав компонентов невозможно с достаточной степенью объективности приводить их к единому количественному показателю, их не нужно строить совсем [6].

По нашему мнению, интегральные показатели, такие как ИРЧП и ему подобные, следует использовать лишь в качестве относительных, предварительных ориентиров. Наиболее же правильным подходом к оценке популяционных аспектов уровней развития и качества жизни должно быть формирование и применение систем показателей, учитывающих все наиболее значимые стороны жизнедеятельности, безопасности, благополучия и социального воспроизводства общества.

Список литературы

1. Аганбегян А. Кризис. Беда и шанс для России. М. : АСТ : Астрель, 2009. 285 с.
2. Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. М. : АЛГОРИТМ, 2003. 448 с.
3. Бобков В. Н. Взаимное влияние сферы образования, особенностей экономического цикла и уровня жизни домохозяйств в России // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 9. С. 3–10.

4. Богомолов Олег. Экономике нужны надёжные показатели // Экономические стратегии. 2012. № 1. С. 12–17.

5. Вальцев С. В. Миссия России. Национальная доктрина. М. : Книжный мир, 2011. 348 с.

6. Гаврилова Т. В. Принципы и методы исследования качества жизни населения // Технологии качества жизни. 2004. Т. 4, № 2. С. 1–11.

7. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / под общ. ред. С. Н. Бобылева. М. : ООО «РА ИЛЬФ», 2013. 202 с.

8. Ивантер В. В. О проблемах выхода России из экономического кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1. С. 152–160.

9. Ивантер В. В. Трудосбережение как приоритет // Экономист. 2011. № 1. С. 3–11.

10. Индекс развития человеческого потенциала. Программа развития Организации Объединённых Наций (ПРООН): <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info> (дата обращения 27.02.2014).

11. Интервью руководителя Центра теории социального государства Академии труда и социальных отношений О. И. Косенко. URL: <http://www.aif.ru/mymoney/article/60836> (дата обращения: 08.04.2013).

12. Казначеев В. П., Кисельников А. А., Мингазов И. Ф. Ноосферная экология и экономика человека. Проблемы «Сфинкса XXI века» / под общ. ред. акад. РАН В. П. Казначеева. Новосибирск, 2005. 448 с.

13. Калинушкин В. Ориентир на витрину? Реформа может обернуться показухой // Поиск. 2014. № 9. С. 7.

14. Кисельников А. А. 2008–2011 годы: системный кризис России в контексте глобальной турбулентности // Актуальная статистика Сибири. 2012. № 1. С. 50–69.

15. Красникова Т. И. Индекс развития человеческого потенциала: оптимизация методики для сравнительного анализа российских регионов. URL: http://www.archipelag.ru/download/book/text_pdf/Krasnikova-IRHP.pdf (дата обращения: 09.03.14).

16. Лещенко Я. А. Социально-экологические основы системного исследования качества жизни населения города // Экология человека. 2011. № 10. С. 42–47.

17. Общественное здоровье как важнейшая составляющая человеческого капитала / Лещенко Я. А. [и др.] ; под ред. Лещенко Я. А. Иркутск : Репроцентр А1, 2005. 206 с.

18. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М., 2002.

19. Социальное положение и уровень жизни населения Сибирского федерального округа : стат. сборник / Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2012. 264 с.

20. Спиридонов С. П. Индикаторы качества жизни и методология их формирования // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2010. № 10–12 (31). С. 208–223.

21. Тарасова Н. П., Кручина Е. Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития. М. : МГУ, 2006. 98 с.

22. Уровень жизни населения Иркутской области : экономика-статистический сборник / Иркутскстат. Иркутск, 2012. 125 с.

23. Human Development Report 2013. The Rise of the South. UNDP, NY, 2013.

24. Indicators of Sustainable Development: Framework and Methodology. N. Y. : United Nations, 1996. 428 p.

References

1. Aganbegyan A. *Krizis. Beda i shans dlya Rossii* [Crisis.

- Misfortune and chance for Russia]. Moscow, 2009, 285 p.
2. Bestuzhev-Lada I. V. *Al'ternativnaya tsivilizatsiya* [Alternative civilization]. Moscow, 2003, 448 p.
3. Bobkov V. N. Mutual influence of the sphere of education and of features of the economic cycle, and of the level of living of households in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Standard of living of population of regions of Russia]. 2010, 9, pp. 3-10. [in Russian]
4. Bogomolov Oleg. The economy needs reliable indicators. *Ekonomicheskie strategii* [Economic strategies]. 2012, 1, pp. 12-17. [in Russian]
5. Valtsev S. V. *Missiya Rossii. Natsional'naya doktrina* [Mission of Russia. National doctrine]. Moscow, 2011, 348 p.
6. Gavrilova T. V. Principles and methods of research of quality of life. *Tekhnologii kachestva zhizni* [Technologies of quality of life]. 2004, 4 (2), pp. 1-11. [in Russian]
7. *Doklad o chelovecheskom razviti v Rossiiskoi Federatsii za 2013 g.* [Lecture about human development in Russian Federation for 2013]. Moscow, 2013, 202 p.
8. Ivanter V. V. About the problems of Russia's withdrawal from the economic crisis. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, tendencies, prognosis]. 2011, 1, pp. 152-160. [in Russian]
9. Ivanter V. V. Labor-saving as a priority. *Ekonomist* [Economist]. 2011, 1, pp. 3-11. [in Russian]
10. *Indeks razvitiya chelovecheskogo potentsiala. Programma razvitiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii (PROON)* [Index of development of human potential. Program of development of United Nations (PROON)]: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info> (accessed 27.02. 2014).
11. *Interv'yu rukovoditelya Tsentra teorii sotsial'nogo gosudarstva Akademii truda i sotsial'nykh otnoshenii O. I. Kosenko* [Interview of leader of Center of theory of the social state of Academy of labour and social relations of O. I. Kosenko]. URL: <http://www.aif.ru/mymoney/article/60836> (accessed 08.04.2013).
12. Kaznacheev V. P., Kisel'nikov A. A., Mingazov I. F. *Noosfernaya ekologiya i ekonomika cheloveka. Problemy «Sfinksа XXI veka»* [Noosfernaya ecology and economy of human. Problems of «Sphinx of XXI age»]. Novosibirsk, 2005. 448 p.
13. Kalinushkin V. Waymark to the showcase? Reform can turn a facade. *Poisk* [Search]. 2014, 9, p. 7. [in Russian]
14. Kisel'nikov A. A. 2008-2011: the systemic crisis of Russia in the context of global turbulence. *Aktual'naya statistika Sibiri* [Actual statistics of Siberia]. 2012, 1, pp. 50-69. [in Russian]
15. Krasnikova T. I. *Indeks razvitiya chelovecheskogo potentsiala: optimizatsiya metodiki dlya sravnitel'nogo analiza rossiiskikh regionov*. Human Development Index: optimization methods for the comparative analysis of Russian regions. URL: http://www.archipelag.ru/download/book/text_pdf/Krasnikova-IRHP.pdf (accessed 09.03.14).
16. Leshchenko Ya. A. Social-ecological Grounds of Systemic Study of Urban Population Life Quality. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. 2011, 10, pp. 42-47. [in Russian]
17. *Obshchestvennoe zdorov'e kak vazhneishaya sostavlyayushchaya chelovecheskogo kapitala* [Public health as major constituent of human capital]. Leshchenko Ya. A. et al. Irkutsk, 2005, 206 p.
18. Senchagov V. K. *Ekonomicheskaya bezopasnost': geopolitika, globalizatsiya, samosokhraneniye i razvitiye* [Economic security: geopolitics, globalization, self-preservation and development]. Moscow, 2002.
19. *Sotsial'noe polozheniye i uroven' zhizni naseleniya Sibirskogo federal'nogo okruga. Stat. sbornik* [Social position and standard of living of population of the Siberian federal district. Statistical collection]. Novosibirsk, 2012, 264 p.
20. Spiridonov S. P. Indicators of quality of life and the methodology of their formation. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet im. V. I. Vernadskogo* [Questions of modern science and practice. University the name of V. I. Vernadsky]. 2010, 10-12 (31), pp. 208-223. [in Russian]
21. Tarasova N. P., Kruchina E. B. *Indeksy i indikatory ustoichivogo razvitiya* [Indexes and indicators of sustainable development]. Moscow, 2006, 98 p.
22. *Uroven' zhizni naseleniya Irkutskoi oblasti. Ekonomiko-statisticheskii sbornik* [Standard of living of population of the Irkutsk area. Ekonomiko-statistical collection]. Irkutsk, 2012, 125 p.
23. Human Development Report 2013. The Rise of the South. UNDP, NY, 2013.
24. Indicators of Sustainable Development: Framework and Methodology. N.Y., United Nations, 1996, 428 p.

Контактная информация:

Леценко Ярослав Александрович — доктор медицинских наук, профессор, зав. лабораторией системных исследований общественного здоровья ФГБНУ «Восточно-Сибирский институт медико-экологических исследований»

Адрес: 665827, г. Ангарск-27, а/я 1170

E-mail: lsioz@mail.ru